

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИК СТРАН МИРА: ОПЫТ РОССИИ И ШВЕЦИИ

М.А. Балашова, О.А. Москвитина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
27 марта 2020 г.

Дата принятия к печати
18 мая 2020 г.

Дата онлайн-размещения
11 июня 2020 г.

Ключевые слова

Глобализация; государственное
регулирование;
макροэкономическая политика;
неолиберализм; социально
ориентированная рыночная
модель

Аннотация

Современные тенденции развития мировой экономики диктуют новые условия функционирования фактически всем ее субъектам. В наиболее сложной ситуации оказывается ключевая группа, создающая основу международных экономических отношений, — государства. Именно они сталкиваются с огромным количеством новых вызовов и угроз, от грамотного нивелирования которых зависит возможность сохранения национального суверенитета. В частности, одной из серьезных проблем, возникающих перед руководством в первую очередь развивающихся стран в XXI в., является его способность самостоятельно осуществить выбор и, самое главное, реализовать на практике предпочтительную макроэкономическую модель. Положение усугубляется тем, что сформировавшиеся во второй половине XX в. модели в настоящее время теряют свою уникальность по причине давления финансовых инструментов на обеспечение национальных суверенитетов. Неолиберализм становится все более очевидным даже в странах с некогда социально ориентированной рыночной экономикой. В условиях глобализации в группе особого риска находятся те страны, которые интенсивно осуществляют внутри- и внешнеэкономическую либерализацию без предварительных качественных институциональных преобразований (например, Россия), не пытаясь сохранить за государством роль не только актора политических процессов, но и активного субъекта экономики (как это происходит, к примеру, в Швеции).

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MACROECONOMIC MODELS OF BUILDING WORLD ECONOMIES: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND SWEDEN

Maria A. Balashova, Olga A. Moskvitina

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
March 27, 2020

Accepted
May 18, 2020

Available online
June 11, 2020

Abstract

Modern trends in the development of the world economy dictate new conditions for the functioning of virtually all its subjects. The states, being the key group in creating the basis of international economic relations, are in the most difficult situation. It is the states that face a great number of new challenges and threats. The competence in dealing with these challenges and threats influences the possibility of guaranteeing national sovereignty. For example, one of the serious problems, which the leadership of primarily developing countries face in the 21st century, is their ability to make their own choices and, most importantly, implement a preferable macroeconomic model. The situation is aggravated

Keywords

Globalization; government regulation; macroeconomic policy; neoliberalism; socially-oriented market model

by the fact that the models, which were formed in the second half of the 20th century, are now losing their uniqueness due to the financial pressure to ensure national sovereignty. Neoliberalism is becoming increasingly apparent, even in the countries that once had a socially oriented market economy. The countries in a particular risk group in the context of globalization, for example, Russia, are those that are actively implementing domestic and foreign economic liberalization without preliminary qualitative institutional transformations, without allowing the state to retain not only the role of the political actor, but also of the active economic actor (as is the case of Sweden, for example).

Набирающие в XXI в. темпы процессы либерализации, транснационализации, интеграции, постиндустриализации, глобализации приводят к тому, что в участвующих в них странах со все большей очевидностью происходит стирание границ между возможными моделями построения государством своей макроэкономической политики.

Очевидно, что предпосылки этого процесса уходят корнями еще в прошлый век, когда между представителями различных школ экономической мысли актуализировалась дискуссия о роли государства в регулировании национальной экономики, в результате которой выстроилась своего рода эволюция научных подходов к проблеме государственного регулирования. Теоретические дебаты представителей кейнсианской школы и институционалистов (Т. Веблена, Д.Р. Коммонса, У.К. Митчелла и др.) перекрыла реализация на практике социально ориентированной модели Л. Эрхарда (в Германии) и Г. Мюрдаля (в Швеции), позже особую актуальность получили институционально-монетарный подход (К. Бруннер, Р. Седлен, Ф. Кейган, М. Фридмен и др.) и модель социально стабильного государства (Х. Ламперт, Р. Титмус, Э. Хансен, С. Лейден, Дж. Гэлбрейт и др.) [1].

Проблема сегодняшнего дня кроется в том, что определенные ранее экономистами возможные варианты моделей макроэкономической политики стран больше не могут существовать на практике в чистом виде. Основная причина — освобождение финансовых инструментов от действовавшего ранее регулирования и последовавший затем демонтаж государственных и национальных суверенитетов, в первую очередь через механизмы работы Всемирного банка и Международного валютного фонда. Принятый в XXI в. в качестве аксиомы «бог рынка» фактически навязывает странам неолиберальный капитализм, интересы которого активно отстаивают лидеры глобализации, живущие в настоящее время не столько за счет «собственных экономик, сколько за счет перераспределения в свою пользу доходов других стран» [2]. При этом

ими параллельно предпринимаются попытки создать видимость усиления во всех странах мира присутствия государства в реализации их внутри- и внешнеэкономической политики за счет, во-первых, активного и повсеместного перехода к постиндустриальной стадии развития, на которой социальные вопросы вне зависимости от принятой макроэкономической модели должны становиться «делом государства» и непосредственно оно должно усиливать свое присутствие в перераспределении доходов страны. Во-вторых, путем очевидного ухода в сторону монопольных и олигопольных рынков товаров и услуг, контроль за которыми устанавливают транснациональные (ТНК) и многонациональные (МНК) корпорации. И, несмотря на рыночный характер экономик преобладающей доли стран мира, государство в целях сохранения присутствия своих производителей на них должно оставаться активным собственником национальных производителей, осуществляющих свою деятельность в первую очередь в сырьевой и инфраструктурных отраслях национальной экономики. Кроме того, в условиях учащения страновых, а в условиях глобализации — и мировых кризисов государство естественным образом должно усиливать свое присутствие в реализации макроэкономических процессов.

Другими словами, в XXI в. мы становимся свидетелями унификации мировой экономики и явной трансформации роли государства [3]. Под прикрытием необходимости усиления в первую очередь его социальной активности на практике идет интенсивный процесс насаждаемой извне внутри- и внешнеэкономической либерализации, в результате которого государство, преимущественно в развивающихся странах, реально устраняется от управления своей экономикой.

В частности, еще в конце XX в. можно было абсолютно справедливо утверждать, что США, Великобритания, Ирландия, Новая Зеландия и др. относятся к странам с неолиберальной моделью экономики. Ее характерными чертами выступали: свобода и индивидуализм; доминирование частной формы собственности;

рыночный механизм саморегулирования, создавший к 1980-м гг. ситуацию фактического дерегулирования экономики с особой ролью финансовой системы, получившей приоритет над другими системами функционирования национальной, а в последующем и мировой экономики; информационная асимметрия [3]; политика «предложения» (сокращение уровня социальных налогов); низкий уровень перераспределения доходов через государственный бюджет; жесткая политика относительно профсоюзного движения и, как следствие, низкий уровень безработицы (до 5 %).

Канада, Израиль, фактически все страны континентальной Европы считались государствами с социально ориентированной экономикой, построенной на компромиссе между социализмом и рынком, между необходимостью поддерживать социальные гарантии общества и стремлением каждого индивида максимизировать свою полезность. Специфика соответствующей модели выражалась в господстве частной формы собственности, в рынке в качестве ведущего регулятора экономики (как и в предыдущей модели), в высоких налогах в целом и социальных налогах в частности, в значительной доле перераспределения ВВП через государственный бюджет на социальные нужды, во всевластии профсоюзов и, как результат, в высоком уровне безработицы (порядка 9 %), в повышении уровня благосостояния нации¹.

Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань реализовывали восточно-азиатскую макроэкономическую модель, которая строилась на синтезе восточной цивилизации и современных рыночных ценностей. Для нее, так же как и для предыдущих моделей, считались характерными следующие черты: частная форма собственности и рынок, а также огромное влияние государства, определяющего национальную стратегию экспорто-ориентированного развития экономики; высокий уровень коррупции; относительно низкий уровень налогового бремени (в первую очередь с физических лиц) и др. [9; 10].

В настоящее время, оценивая проводимые в странах реформы с позиции их соответствия выбранной макроэкономической модели развития, имеет смысл перейти от фразы «согласовываться с основными характеристиками» к фразе «тяготеть к наиболее общим чертам».

В частности, если сравнить между собой ряд макроэкономических показателей в

странах, изначально представлявших разные модели построения внутренней и внешней политики, то можно увидеть, что:

- доля, занимаемая сферой услуг в структуре ВВП, в современных условиях фактически никак не коррелирует с принятой моделью управления страной, хотя еще порядка десяти лет назад абсолютными лидерами постиндустриальной стадии развития выступали страны с неолиберальной экономикой;

- государственные расходы на НИОКР имеют тенденцию к росту для всех стран вне зависимости от принятой ими модели;

- если на начало 2000-х гг. на образование в относительных показателях больше всех закладывали страны с социально-рыночной моделью, то к настоящему моменту примерный процент государственных расходов на соответствующую статью в странах с разными моделями оказывается примерно сопоставимым;

- следствием процессов внутриэкономической либерализации становится заметное снижение налогов (% от коммерческой прибыли предприятий) для производителей из большинства стран — представителей разных моделей (табл. 1) и др.

Что касается таких в прошлом явно социально ориентированных стран, как Россия и Швеция, в названии моделей развития которых еще в XX в. принято было использовать термин «социализм»², то ситуация здесь следующая.

Оба государства в начале 1990-х гг. испытали на себе тяжелый финансовый и экономический кризис, выразившийся в галопирующей инфляции, резком росте уровня безработицы, значительном увеличении бюджетных расходов и др.

В обоих государствах были инициированы реформы, направленные на стабилизацию ситуации и дальнейшее поступательное развитие национальной экономики [11]. По логике, принятые правительствами стран меры должны были носить примерно одинаковый характер (в силу приверженности одной и той же макроэкономической модели национального развития) и, соответственно, привести к примерно сходным результатам. Однако анализ макроэкономической ситуации в соответствующих странах в период последующих 30 лет не позволяет сделать такой вывод.

В частности, Россия пошла по пути некоторых других стран социалистического лагеря (Польши, Венгрии, Чехословакии), выбрав в

¹ К основоположникам теории социально ориентированной рыночной экономики принято относить А. Мюллера-Армака, Л. Эрхарда, О. Шлехта, а также последователей их идей — П. Козловски, Х. Ламперта и др. [4–8].

² В истории экономической мысли одной из известнейших считается концепция шведской модели социализма Г. Мюрдаля [11].

Таблица 1

**Динамика ряда макроэкономических показателей в странах
с разными макроэкономическими моделями развития***

Страна	Доля сферы услуг, % от ВВП		Государственные расходы, % от ВВП				Налоги		
			НИОКР		Образование		% от коммерческой прибыли		% от ВВП
	2010	2018	2000	2017	2000	2016	2005	2018	2017
Неолиберальная модель									
США	76,2	77,4	2,6	2,8	5,7	5,4 (2014)	–	43,8	17,0
Великобритания	71,5	70,5	1,6	1,7	4,1	5,5	34,7	30,0	39,1
Ирландия	66,5	55,8	1,1	1,0	4,1	3,7	25,4	26,0	26,0
Социально-рыночная модель									
Германия	62,2	61,5	2,4	3,0	4,9 (2006)	4,8	47,7	49,0	45,0
Франция	70,7	70,3	2,1	2,2	5,5	5,4	68,3	60,4	53,8
Израиль	66,6	69,4	3,9	4,6	6,1	5,8	35,5	26,2	26,5
Восточно-азиатская модель									
Южная Корея	53,6	53,6	2,2	4,6	3,9 (2005)	5,3 (2015)	36,8	33,1	23,2
Сингапур	67,8	69,4	1,8	2,2 (2016)	3,3	3,3 (2014)	26,2	20,6	15,7
Гонконг	90,9	88,6	0,8	0,8	4,1 (2005)	3,3 (2018)	24,1	22,9	23,2

* Составлена по данным: The World Bank. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/4.2>.

качестве основы реформ политику шоковой терапии. Государство резко дистанцировалось от огромного количества ключевых макроэкономических вопросов и фактически бросило страну в рынок, реализовав:

- либерализацию цен (90 % розничных и 80 % оптовых цен было освобождено от государственного регулирования), оставив за собой контроль за уровнем цен на ряд социально значимых потребительских товаров и услуг (хлеб, молоко, общественный транспорт)³;

- либерализацию внешней торговли⁴;

- жесткую денежно-кредитную политику (денежное пространство со странами СНГ было разделено, в 1993 г. произведен обмен банкнот и введена российская национальная валюта)⁵;

- приватизацию большей части мелких и средних предприятий, носившую фактически «бесплатный» характер и характеризовавшуюся

массовыми нарушениями базовых прав человека, и др.

После смены власти в 1992 г. началась корректировка реформ, заключавшаяся в возвращении государству некоторой роли в экономике и повышении уровня ее социальной ориентированности. Однако с 1993 по 1998 г. основной проблемой по-прежнему оставалась нехватка средств, продолжался спад производства, хотя и наблюдался постепенный переход к рынку. На фоне тяжелой экономической ситуации в стране в августе 1998 г. произошел дефолт российской экономики. Рухнули цены на нефть, в связи с чем резко обесценился рубль, и государство признало себя неспособным выполнить финансовые обязательства перед населением. В результате дефолта массово разорились предприниматели, банки, сотни людей потеряли работу.

В свою очередь, к наиболее значимым реформам, проведенным в Швеции в 1990–2000-х гг., следует, на наш взгляд, отнести: приватизацию⁶; реформы в сфере внешнеэкономической деятельности⁷ и в

³ Данная реформа привела к резкому повышению цен и одновременному снижению объемов производства, галопирующей инфляции, росту неплатежей, обесцениению заработной платы, доходов и сбережений населения, росту безработицы, а также к значительному усилению проблемы нерегулярности выплаты зарплат.

⁴ Согласно мнению аналитиков, данная реформа усугубила проблему повышения внутренних цен и спада отечественного производства: в страну резко хлынули дешевые потребительские товары, что окончательно разрушило отечественную легкую промышленность, которая к 1998 г. стала производить менее 10 % от уровня до начала реформ.

⁵ Результатом реформы стало прекращение существования рубля в качестве платежного средства экономики стран СНГ.

⁶ Масштабная приватизация была проведена в Швеции в оборонной промышленности, энергетике, газо- и водоснабжении, банковской сфере. В результате бюджет страны уже в 2004 г. пополнился почти на 20 млрд дол.

⁷ Швеция открыла свой рынок для зарубежных конкурентов, в результате чего в стране появились иностранные компании, готовые приобрести успешные отечественные стартапы, а неконкурентоспособные местные фирмы стали уходить из бизнеса. С 1989 по 1999 г. доля зарубежных владельцев шведских компаний выросла с 7 до 40 %.

образований⁸; реформы, направленные на дерегулирование рынков⁹; налоговые¹⁰ и пенсионные реформы (переход от распределительной к накопительной пенсионной программ) и др.

Кроме того, в начале 1990-х гг. в стране проводилась жесткая антиинфляционная политика, продолжилось ужесточение требований к получателям социальных выплат, улучшались условия деятельности для малых и средних предприятий. В конце 1990-х гг. Швеция перешла к среднесрочному бюджетному планированию (три года), формированию бюджета сверху вниз и ориентации на результат.

Следует отметить, что проведенные в Швеции реформы в целом соответствовали неолиберальным принципам. Готовясь к вступлению в Европейский союз, правительство страны пошло на унификацию отечественного законодательства в соответствии с нормами, принятыми в интеграционном объединении.

Неолиберализм был поставлен во главу угла и при проведении реформ в России,

но, несмотря на использование фактически сходных инструментов, итоги реформ в рассматриваемых странах оказались абсолютно несопоставимыми. Мы полагаем, что основная причина заключается в цели преобразований. В Швеции это либерализация под контролем государства с сохранением его главенствующей роли в осуществлении макроэкономической политики страны, в России — либерализация ради либерализации, вхождение в рынок ради свободы, а чьей и с какими последствиями, непонятно.

Результатом проведенных в Швеции реформ стал экономический и инновационный рост, переход страны в категорию развитых постиндустриальных стран. Россия же продолжает сохранять за собой статус развивающегося государства, пытающегося уйти от общества индустриального типа в сторону наукоемкой экономики.

Несмотря на значительно больший объем экономики¹¹, современная Россия отстает от Швеции фактически по всем показателям, характеризующим эффективность проводимых в стране реформ: уровень жизни, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), индекс глобальной конкурентоспособности здесь ниже, а инфляция и безработица выше, чем в Швеции. Исключение составляют только 2000-е гг., когда, согласно официальной статистике, РФ удалось достичь более низкого уровня безработицы (табл. 2).

Структурные сдвиги в экономике Швеции идут намного быстрее, чем в экономике России. Фактически уже в начале 1990-х гг. удельный вес сферы услуг в стране Сканди-

⁸ С 1992 г. государство в целях повышения качества обучения и борьбы школ за учеников стало выдавать родителям ваучеры, которые можно было использовать для оплаты обучения детей в школе на их выбор.

⁹ Правительство ослабило контроль за многими сферами, включая работу такси, электроснабжение, сферу телекоммуникаций, функционирование железнодорожного транспорта и внутренние воздушные перевозки. Была существенно упрощена система лицензирования новых компаний. Некоторые из общественных услуг, такие как забота о пожилых людях и начальное образование, были отданы на аутсорсинг частным фирмам.

¹⁰ Существенно были снижены налоги на имущество, корпоративные налоги (с 50 до 25 %); отменен налог на ценные бумаги с фиксированным доходом, налог на финансовые операции, или налог Тобина; предоставлены налоговые льготы тем компаниям, которые обеспечивали своих сотрудников домашними компьютерами, с условием, что компьютеры будут доступны каждому, и др.

¹¹ ВВП по паритету покупательной способности (ППС) Швеции в 2018 г. составил порядка 542 млрд дол., по текущему валютному курсу — 551 млрд дол. ВВП России в том же году составлял по ППС порядка 4 трлн дол., по текущему валютному курсу — 1,6 трлн дол. См.: Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/fields/209.html>.

Таблица 2

Динамика ряда макроэкономических показателей в России и Швеции в 1990–2018 гг.*

Год	Россия	Швеция
<i>ВВП на душу населения, дол.</i>		
1990	11 482 (1992)	19 891
2000	11 170	29 257
2010	22 639	42 022
2018	29 267	52 984
<i>ИРЧП</i>		
1990	0,734	0,804
2000	0,721	0,889
2010	0,780	0,885
2018	0,824	0,937

Год	Россия	Швеция
<i>Индекс глобальной конкурентоспособности (место)</i>		
2000	52-е из 58	7-е из 58
2010	63-е из 139	2-е из 139
2018	38-е из 137	7-е из 137
<i>Уровень инфляции, %</i>		
1990	2 508 (1992)	3,2
2000	20,8	1,3
2010	6,9	1,9
2018	2,7	2,0
<i>Уровень безработицы, %</i>		
1990	5,2 (1992)	2,2
2000	10,6	6,3
2010	7,4	8,6
2018	5,5	6,6

* Составлена по данным: The World Bank. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/4.2>.

навского полуострова составлял более 60 %, достигая в настоящее время уже 67,5 %. В РФ к началу 1990-х гг. соответствующей отрасли принадлежало порядка 33 % в структуре ВВП, в 2017 г. — 60,5 % (табл. 3).

Обеспечив процветание традиционных отраслей, Швеция за последние десятилетия совершила рывок в развитии современных секторов экономики — цифровых технологий и телекоммуникаций. Сегодня огромную роль в этой сфере играют молодые предприятия малого и среднего бизнеса, чья доля в структуре ВВП в 2018 г. составила 58 %, что больше на 2 %, чем в 2017 г., и на 5 %, чем в 2016-м.

Отдав на внутреннем рынке приоритет оказанию услуг сложного характера, на мировые рынки шведы поставляют преимущественно промышленную продукцию, доля которой составляет 73,4 %. Основными статьями шведского экспорта являются: реакторы ядерные, котлы, оборудование, механические устройства и их части; средства наземного транспорта, их части и принадлежности; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, оборудование для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части

и принадлежности; минеральное топливо, нефтепродукты; бумага и картон, изделия из них; фармацевтическая продукция; пластмассы; рыба и морепродукты.

В России основными статьями товарного экспорта остаются: минеральные продукты (66,3 %); металлы и изделия из них (10,0 %); машиностроительная продукция (6,6 %); продукция химической промышленности, каучук (6,2 %); продовольственные товары и сырье (5,7 %) и др. Малый бизнес развивается, но очень медленно, фактически оставаясь «вторичным элементом экономической системы страны» [12] с низким уровнем конкурентоспособности [13] и высоким риском потери предпринимательского потенциала [14].

Следует отметить, что данная ситуация, сохраняющаяся уже не одно десятилетие, объясняется чисто сравнительными преимуществами страны¹² (наличие крупных

¹² Россия занимает первое место в мире по запасам газа (32 % мировых запасов, 30 % мировой добычи); второе место — по уровню добычи нефти (10 % мировой добычи); третье место — по запасам угля (22 угольных бассейна, 115 месторождений, в том числе в европейской части России — 15,6 %, в Сибири — 66,8 %, на Дальнем Востоке — 12,9 %, на Урале — 4,3 %).

Таблица 3

Отраслевая структура экономики России и Швеции в 1990–2017 гг., % от ВВП*

Сектор экономики	1990		2000		2010		2017	
	Россия	Швеция	Россия	Швеция	Россия	Швеция	Россия	Швеция
Сфера услуг	32,9	62,0	53,9	67,5	61,4	66,8	60,5	67,5
Промышленность	50,6	32,8	39,8	29,0	34,7	29,0	35,9	28,4
Сельское хозяйство	16,5	5,2	6,3	3,5	3,9	4,2	3,6	4,1

* Составлена по данным: Макроэкономические исследования. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/index.html>.

месторождений топливно-энергетического сырья — нефти, природного газа, угля), «низкой степенью адаптивной эффективности» экономики России, «блокирующей процессы, необходимые для экономического роста» [2], что никак не соответствует экономике, претендующей на статус инновационной с созданными конкурентными преимуществами. Изменить ее пока не удастся ни за счет внутренних резервов (например, инициированных правительством реформ, направленных на создание национальной инновационной системы) [15], ни за счет внешних факторов, к которым в числе прочих можно отнести членство РФ во Всемирной торговой организации [16].

В инвестиционной политике современная Швеция — это страна-донор (ежегодно она инвестирует порядка 3 млрд шведских крон в другие страны). Россия неумолимо движется к статусу страны-реципиента (табл. 4). Особую тревогу вызывает даже не то, что объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России стремительно сокращаются, а то, что она характеризуется стабильно плохим инвестиционным климатом в восприятии иностранными инвесторами и низким потенциалом роста. Согласно данным Института международных финансов, ПИИ в Россию самые низкие среди всех основных развивающихся стран¹³.

¹³ ПИИ в Россию в среднем за 2015–2018 гг. без учета реинвестированных доходов составили лишь 0,2 % ВВП. Первое место в этом рейтинге занимает Бразилия (3,4 %), второе — Колумбия (2,9 %).

Являясь участниками международных экономических отношений, Россия и Швеция естественным образом становятся подверженными ключевым тенденциям развития мировой экономики. Однако в силу достигнутого каждой из рассматриваемых стран уровня экономического развития, их роли и места в осуществляемых макроэкономических процессах последствия соответствующих тенденций для России и Швеции оказываются несопоставимыми.

В частности, ТНК и МНК обеих стран по объемам получаемой выручки и прибыли не могут относиться к наиболее конкурентоспособным в мире, но больше плюсов от процесса транснационализации получает Швеция.

Несмотря на то что из 2 тыс. крупнейших международных компаний мира в Швеции и России оказывается зарегистрированным примерно сопоставимое количество соответствующих экономических субъектов (в Швеции — 26, в России — 22) и в настоящее время прибыль российских ТНК почти в 4 раза превышает соответствующий показатель шведских (80 и 18 трлн дол. соответственно), основная доля ТНК России относится исключительно к сырьевому сектору экономики (табл. 5). Это несет риск прямой зависимости как самих ТНК, так и экономики в целом от цен на энергоносители. Ситуация первой половины 2020 г. с резким падением цен на нефть естественным образом приведет к отрицательным последствиям как для микро-, так и для макроигроков российского рынка.

Таблица 4

Динамика ПИИ в Россию и из нее в 2013–2019 гг., млрд дол.*

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ПИИ из РФ	86,5	57,1	22,1	22,3	36,8	31,9	26,3
ПИИ в РФ	69,2	22,0	6,9	32,5	28,6	8,8	26,9
Чистый приток инвестиций в РФ	–17,3	–5,1	–15,2	+10,2	–8,2	–23,1	+0,6

* Составлена по данным: Банк России. URL: <https://cbr.ru>.

Таблица 5

Современные международные компании России и Швеции*

Россия			Швеция		
ТНК	Место в рейтинге Global 2000	Прибыль, млрд дол.	ТНК	Место в рейтинге Global 2000	Прибыль, млрд дол.
Gazprom	40	18 900	Nordea Bank	231	3 600
Sberbank	47	13 300	Volvo Group	246	2 900
Rosneft	52	8 700	Svenska Handelsbanken	450	2 000
Lukoil	97	9 900	Swedbank	497	2 400
Surgutneftegas	330	8 400	H&M	595	1 400

Россия			Швеция		
ТНК	Место в рейтинге Global 2000	Прибыль, млрд дол.	ТНК	Место в рейтинге Global 2000	Прибыль, млрд дол.
Transneft	386	3 600	Atlas Copco	700	2 200
VTB Bank	471	2 800	Ericsson	719	368
Novatek	500	2 600	Essity Ab	724	906
Tatneft	524	3 400	Investor AB	1 036	259
Norilsk Nickel	574	3 000	Skanska	1 150	525
ROSSETI	767	1 400	Hexagon	1 250	862
Novolipetsk Steel	791	2 200	Electrolux Group	1 455	437
Severstal	925	2 100	Alfa Laval	1 825	519

* Составлена по данным: GLOBAL 2000. The World's Largest Public Companies. URL: <https://www.forbes.com/global2000/#2e9d82ef335d>.

Еще одним важным фактором большей успешности включения Швеции в процессы транснационализации является страновой охват бизнеса, принадлежащего ее предпринимателям. Статистика свидетельствует о том, что филиалы большинства шведских ТНК и МНК располагаются в основном в развитых странах, российских нефинансовых структур — в развивающихся, что напрямую связано с объемами и структурой спроса на производимую отечественную продукцию или оказываемые услуги (табл. 6).

Для иностранного капитала Швеция оказывается более привлекательной, нежели Россия, поскольку правительство страны создает благоприятные условия для развития и защиты иностранных инвестиций на своей территории. В частности, шведский Совет по торговле и инвестициям (Business Sweden) оказывает помощь иностранным компаниям, намеревающимся инвестировать в экономику страны или осуществлять бизнес в Швеции.

В настоящее время в стране созданы и ведут успешную деятельность МНК: ABB

Таблица 6

Филиалы российских и шведских компаний в других странах*

Компания	Филиалы
<i>Россия</i>	
Gazprom	Представительства за рубежом: Алжир, Бангладеш, Боливия, Германия, Индия, Ливия, Нигерия, Таджикистан, Нидерланды, Узбекистан, Венесуэла и др.
Sberbank	В состав зарубежной сети входят дочерние банки, филиалы и представительства в 17 странах мира, в том числе в Казахстане, Республике Беларусь, на Украине, в Швейцарии, Германии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Сербии, Словении, Хорватии, Чехии, Китае, Индии
VTB Bank	Сеть насчитывает более 30 дочерних банков и финансовых компаний, в том числе во Франции, Великобритании, Ирландии, Германии и др.
Rosneft	У компании есть доли в четырех нефтеперерабатывающих заводах в Германии. Кроме того, ей принадлежит часть завода в Италии и доли в совместном предприятии с Exxon Mobil в США (Техас) и Канаде
Lukoil	Дочерние компании в Финляндии, Республике Беларусь, Казахстане, Турции, странах Балтии, Сербии, Нидерландах, подразделения компании в США
<i>Швеция</i>	
Volvo	Дочерние компании: Renault Trucks (Франция), Mack Trucks (США), UD Trucks Corporation (Япония), Prevost Car, Nova Bus Inc (Канада)
H&M	Дочерние компании в 71 стране мира (Великобритания, Франция, США, Япония, Бельгия, РФ и др.)
Ericsson	Дочерние компании в Германии, Хорватии, США, Великобритании и др.
Essity Ab	Дочерние компании в Германии, КНР, США, Люксембурге и др.
Electrolux Group	Дочерние компании в Италии, Великобритании, Германии, Ирландии, США и др.

* Составлена по данным, представленным на официальных сайтах названных в табл. 6 международных компаний России и Швеции (URL: <http://gazprom-international.ru/ru/>; URL: <https://www.sberbank.com/>; URL: <https://www.vtb.ru/>; URL: <https://www.rosneft.ru/>; URL: <https://lukoil.ru/>).

(Asea Brown Boveri Ltd.) — совместная шведско-швейцарская компания с объемом прибыли порядка 4 млрд дол. и Arla Foods — датско-шведская компания, прибыль которой составляет 10,3 млрд евро.

Кроме того, в Швеции широко представлены филиалы других международных корпораций: канадской Bombardier Transportation, занимающейся производством и эксплуатацией железнодорожной техники; крупнейшего банка Великобритании — HSBC Holdings plc.; ведущего российского производителя профессиональной автохимии и автокосметики, моющих средств для клининга, бытовой химии — GRASS и др.

Есть в Швеции и государственные транснациональные компании, ведущей из которых является Telia, работающая в сфере телекоммуникаций. Ее прибыль составляет более 1 трлн дол.

В России же государство настолько увлеклось процессами либерализации, что активно впускает в свои ведущие (некогда в чистом виде государственные) компании нерезидентов. В частности, в настоящее время:

– в сумме с Агентством госимущества РФ владеет 50,23 % акций «Газпрома» (24,13 % акций принадлежит владельцам Американской депозитарной расписки, т.е. они де-факто контролируются The Bank Of New York Mellon)¹⁴;

– 50,000 000 01 % + 1 акция принадлежит РФ в структуре акционерного капитала «Роснефти», 19,75 % — британской BP, еще 18,93 % продано катарскому инвестиционному дому, около 10 % находится в собственности у разных физических и юридических лиц¹⁵;

– 50 % + 1 акция принадлежит в структуре Сбербанка ЦБ РФ, а 45,04 % — юридическим лицам — нерезидентам¹⁶.

Что касается процессов кооперирования, то Россия, конечно же, не может оставаться от них в стороне. У нас действительно созданы и ведут деятельность (как на территории нашей страны, так и за рубежом) совместные предприятия. Проблема заключается в том, что в основном они представлены экономическими субъектами азиатских государств, а производимая ими продукция не может быть отнесена к сложной высокотехнологичной, что рождает закономерный вопрос о смысле их создания. Например, это:

– российско-китайское предприятие ООО «Снабполимер Медицина», основанное в

2015 г. с целью строительства на территории нашей страны инновационных предприятий для производства одноразовых медицинских инструментов, в том числе с инженерной защитой от повторного применения;

– российско-японское предприятие JGC Evergreen, созданное корпорацией JGC и ООО «Энерго-Импульс+» с целью производства тепличных комплексов для выращивания овощей;

– российско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро», разрабатывающее на условиях соглашения о разделе продукции ряд нефтегазовых месторождений на вьетнамском шельфе, и др.

Кроме того, на территории нашей страны широко представлены филиалы иностранных компаний. Однако в большинстве своем это либо дочерние компании, либо отделения (они более чем на 50 % принадлежат иностранным владельцам, что свидетельствует о необходимости контроля страной базирования всех ключевых направлений деятельности своего филиала на территории принимающей страны). Они функционируют в таких сферах деятельности, как:

– торговля (Groupe Auchan, Leroy Merlin — Франция, IKEA — Швеция);

– автомобилестроение (Toyota Motor — Япония, Volkswagen Group — Германия);

– технологии (Huawei Technologies — Китай) и др.

Если в целом оценивать роль государства в развитии экономик рассматриваемых стран, то следует констатировать, что процессы либерализации идут в России с большей очевидностью, чем в Швеции. В частности, шведское правительство до сих пор действительно принимает активное участие в функционировании отечественного рынка труда посредством:

– создания государственных институтов, регулирующих работу соответствующего рынка;

– поддержки работы профсоюзных организаций (в 2017 г. членами профсоюзов было 84 % работающего населения страны);

– организации партнерских отношений между работодателями, профсоюзами и собой (правительством);

– реализации политики субсидирования заработной платы¹⁷;

– инициирования различных социальных программ, которые призваны защищать от

¹⁴ URL: <https://www.gazprom.ru/investors/stock>.

¹⁵ URL: <https://www.rosneft.ru>.

¹⁶ URL: <https://psi-www-sberbank-com.sberbank.ru/ru/investor-relations/share-profile>.

¹⁷ Шведское правительство стимулирует компании нанимать больше сотрудников, выплачивая в течение первых шести месяцев работы сотрудника 50 % его заработной платы.

рисков, связанных с экономической открытостью (например, программа активизации безработных, которая финансируется из государственного бюджета) и др.

Оно поддерживает на высоком уровне размер пособий по безработице¹⁸ (через членство в а-кассах) и создает комфортные условия для досрочного и при этом относительно безболезненного выхода на пенсию.

Столь активная роль государства на рынке труда высоко оценивается не только самими шведами, но и благодарными мигрантами, составляющими порядка 16 % населения страны, для которых государство создает дополнительные стимулы к иммиграции¹⁹.

В частности, считается, что в Швеции реализуется наиболее благоприятная политика приема беженцев, сопровождающаяся самыми щедрыми выплатами иммигрантам. В частности, социальные расходы, приходящиеся в настоящее время на беженцев, превышают все допустимые пределы: на их адаптацию выделяется до 55 % всех средств, предназначенных на социальные нужды, а они составляют всего 5,1 % населения. При этом государственная казна получает от тех же беженцев лишь 3,4 % от общего объема государственных доходов, поскольку уровень занятости среди соответствующей категории граждан в возрасте от 20 до 59 лет на 20 % ниже, чем в среднем по стране, что является следствием плохого знания языка, низкой квалификации, слабой вовлеченности женщин в экономическую жизнь и т.д. В последние годы лишь 30 % беженцев, прошедших программу интеграции, смогли найти работу или продолжить образование.

Мы полагаем, что столь серьезные государственные траты на беженцев могут быть объяснены двумя основными причинами:

– имиджем страны, которая претендует на статус «моральной сверхдержавы»;

¹⁸ Пособие по безработице в Швеции составляет около 2,8 тыс. крон.

¹⁹ Швеция принимает больше мигрантов на душу населения, чем любая другая европейская страна.

– желанием нивелировать ставшую очевидной демографическую проблему (низкие показатели рождаемости и быстро стареющее трудоспособное население страны).

Результат проводимой шведским государством иммиграционной политики заключается в том, что иммигранты стремятся получить вид на жительство и остаться в стране на безвозвратной основе.

В России государство просто дистанцировалось. Оно ослабило свою роль:

– в перераспределении доходов через бюджет страны²⁰ (табл. 7);

– сборе доходов (государственные доходы в Швеции являются одними из самых высоких не только среди развитых стран, образующих Организацию экономического сотрудничества и развития, но и во всем мире: граждане отдают государству в среднем от трети до половины доходов; общая налоговая нагрузка составляет в этой стране более 50 % от ВВП, в то время как в России — 16,4 %);

– выполнении регулирующих и контролирующих функций и др.

Мы полагаем, что резкий уход в рынок без предварительных качественных институциональных преобразований не может способствовать тому, что экономика самостоятельно найдет свою точку равновесия, и практика последних десятилетий подтверждает эту мысль. Либерализация может быть благом, но только в том случае, когда в экономике ранее выполнявшиеся государством функции становятся возможным делегировать на уровень субъектов, обладающих не сравнительными, а конкурентными преимуществами, чья деятельность будет направлена на решение задач, способствующих достижению стратегической цели развития национальной экономики.

Особую актуальность данный вывод приобретает в условиях происходящих

²⁰ Следует отметить, что в целом размер государственных социальных расходов в Швеции выше, нежели в России. Не являются в данном случае исключением и государственные расходы на здравоохранение и образование, которые в Швеции достигают максимальных значений среди стран ОЭСР.

Таблица 7

**Динамика ряда государственных расходов в России и Швеции в 2012–2017 гг.,
% от общих государственных расходов***

Государственные расходы	2012		2014		2017	
	Россия	Швеция	Россия	Швеция	Россия	Швеция
На образование	3,8	13,0	4,0	14,9	3,7 (2016)	14,9
На здравоохранение	4,9	10,9	5,2	11,1	5,3 (2016)	11,2
На НИОКР	1,0	3,1	1,1	3,2	1,1	3,4

* Составлена по данным: Макроэкономические исследования. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/index.html>.

сегодня в мировой экономике перемен, когда наблюдается все более очевидный процесс стирания границ между принятыми в прошлом веке моделями макроэкономической политики государства под лозунгом неоллиберального капитализма. В свете постиндустриализации и транснационализации мирового экономического пространства они приобретают общие черты в силу активного развития сферы услуг, в первую очередь финансовых, играющих в XXI в. главную роль, и

социальных трансформаций. Под влиянием процессов глобализации они теряют свою уникальность, приверженность неким единым стандартам внутри одной модели (как показал опыт России и Швеции). Подстегиваемые либерализацией, на практике они все очевиднее тяготеют к некой унифицированной макроэкономической неоллиберальной модели, несущей в себе угрозу «внешнего управления» национальной экономикой, в первую очередь со стороны США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самаруха В.И. Роль государства в регулировании рыночной экономики / В.И. Самаруха, Т.Г. Краснова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2004. — № 3. — С. 4–12.
2. Рудяков В.А. Роль государства в формировании адаптивной эффективности российской экономической системы / В.А. Рудяков // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 4. — С. 736–757.
3. Фаллико А. Неоллиберальная экономическая модель и социальное неравенство / А. Фаллико // Эксперт. — 2020. — № 5. — URL: <https://expert.ru/expert/2020/05/neoliberalnaya-ekonomicheskaya-model-i-sotsialnoe-neravenstvo>.
4. Мюллер-Армак А. Предложения по осуществлению социальной рыночной экономики / А. Мюллер-Армак // Политэконом. — 1996. — № 1. — С. 53–64.
5. Эрхард Л. Благосостояние для всех : пер. с нем. / Л. Эрхард. — Москва : Дело, 2001. — 335 с.
6. Шлехт О. История и возможности социальной рыночной экономики / О. Шлехт // Политэконом. — 1996. — № 2. — С. 104–106.
7. Козловски П. Принципы этической экономики = Prinzipien der Ethischen Ökonomie / П. Козловски ; пер. с нем. В.А. Автономова. — Санкт-Петербург : Экон. шк., 1999. — 342 с.
8. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь / Х. Ламперт ; пер. с нем. В.П. Котелкина. — Москва : Дело, 1994. — 224 с.
9. Герус И.М. Азиатская модель экономического развития / И.М. Герус // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. — 2014. — Т. 14, № 3. — С. 123–126.
10. Рамазанов Ж.Ш. Азиатская модель как вторая модель рынка / Ж.Ш. Рамазанов // Известия Томского политехнического университета. — 2008. — Т. 312, № 6. — С. 68–71.
11. Ламеко П. Шведская модель экономической реформы / П. Ламеко // Белорусский банковский бюллетень. — 2001. — № 2. — С. 46–52.
12. Солодков М.В. Особенности развития малого предпринимательства в условиях глобальной хозяйственной системы / М.В. Солодков, О.А. Чепинога // Актуальные вопросы общественного развития в контексте цивилизационного подхода : сб. науч. тр. — Иркутск, 2016. — С. 38–46.
13. Козырская И.Е. Укрепление конкурентоспособности российских компаний / И.Е. Козырская // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование : материалы Междунар. Байкал. форума, Иркутск, 20–21 сент. 2018 г. / под науч. ред. Е.Р. Метелевой. — Иркутск, 2018. — С. 362–366.
14. Светник Т.В. Мониторинг эффективности предпринимательской деятельности малого предприятия / Т.В. Светник, С.В. Боровских // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2013. — № 1. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=18677>.
15. Самаруха А.В. Развитие национальной инновационной системы / А.В. Самаруха, Г.И. Краснов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 1. — С. 49–53.
16. Шуплецов А.Ф. Россия после вступления во Всемирную торговую организацию: преимущества и проблемы / А.Ф. Шуплецов, В.А. Колесник. — DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).10 // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 2. — URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20022>.

REFERENCES

1. Samarukha V.I., Krasnova T.G. The Role of a State in Market Economy Management. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* = *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2004. no. 3, pp. 4–12. (In Russian).
2. Rudyakov V.A. The Role of the State in Forming Adaptive Efficiency of the Russian Economic System. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History and History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 736–757. (In Russian).
3. Falliko A. Neoliberal Economic Model and Social Inequality. *Ekspert* = *Expert*, 2020, no. 5. Available at: <https://expert.ru/expert/2020/05/neoliberalnaya-ekonomicheskaya-model-i-sotsialnoe-neravenstvo>. (In Russian).
4. Myuller-Armak A. Suggestions How to Implement Social Market Economy. *Politekonom*, 1996, no. 1, pp. 53–64. (In Russian).

5. Erhard L.W. *Wohlstand für Alle*. Düsseldorf, 1957. (Russ. ed.: Erhard L.W. *Blagosostoyanie dlya vsekh*. Moscow, Delo Publ., 2001. 335 p.).
6. Shlekht O. History and Possibilities of Social Market Economy. *Politekonom*, 1996, no. 2, pp. 104–106. (In Russian)
7. Koslowski P. *Prinzipien Der Ethischen Ökonomie: Grundlagen Der Wirtschaftsethik Und Der Auf Die Ökonomie Bezogenen Ethik*. Tübingen, Mohr Siebeck, 1988. 339 S. (Russ. ed.: Koslowski P. *Printsipy eticheskoi ekonomii*. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya Shkola Publ., 1999. 342 p.).
8. Lampert H. *Die Wirtschafts-und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin, Olzog, 1965. 331 S. (Russ. ed.: Lampert H. *Sotsial'naya rynochnaya ekonomika. Germanskii put'*. Moscow, Delo Publ., 1994. 224 p.).
9. Gerus I.M. The Asian Model of Economic Development. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta* = *Vestnik Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 123–126. (In Russian).
10. Ramazanov Zh.Sh. Asian Model as the Second Marketing Model. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* = *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2008. vol. 312, no. 6, pp. 68–71. (In Russian).
11. Lameko P. Swedish Model of the Economic Reform. *Belorusskii bankovskii byulleten'* = *Belarus Banking Bulletin*, 2001, no. 2, pp. 46–52. (In Russian).
12. Solodkov M.V., Chepinoga O.A. Peculiarities of Developing Small Business under the Conditions of the Global Economic System. *Aktual'nye voprosy obshchestvennogo razvitiya v kontekste tsivilizatsionnogo podkhoda* [Essential Issues of Social Development in the Light of the Civilizational Approach]. Irkutsk, 2016, pp. 38–46. (In Russian).
13. Kozyrskaya I.E. The Competitiveness Strengthening of Russian Companies. In Meteleva E.R. (ed.). *Evraziiskii integratsionnyi proekt: tsivilizatsionnaya identichnost' i global'noe pozitsionirovanie. Materialy Mezhdunarodnogo Baikal'skogo foruma, Irkutsk, 20–21 sentyabrya 2018 g.* [Eurasian Integration Project: Civilization Identity and global Positioning. Materials of the International Baikal Forum, Irkutsk, September 20–21, 2018]. Irkutsk, 2018, pp. 362–366. (In Russian).
14. Svetnik T.V., Borovskikh S.V. Small Business's Efficiency Monitoring. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)* = *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2013, no. 1. Available at: <http://brjbguep.ru/reader/article.aspx?id=18677>. (In Russian).
15. Samarukha A.V., Krasnov G.I. Development of National Innovation System. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* = *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, no. 1, pp. 49–53. (In Russian).
16. Shupletsov A.F., Kolesnik V.A. Russia after joining the WTO: advantages and problems. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)* = *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2015, vol. 6, no. 2. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20022>. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).10. (In Russian).

Информация об авторах

Балашова Мария Александровна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: mabalashova@mail.ru.

Москвитина Ольга Александровна — студент, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: olga.moskvitina777@gmail.com.

Для цитирования

Балашова М.А. О перспективах развития макроэкономических моделей построения экономик стран мира: опыт России и Швеции / М.А. Балашова, О.А. Москвитина. — DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(2).261-272 // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 2. — С. 261–272.

Authors

Maria A. Balashova — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: mabalashova@mail.ru.

Olga A. Moskvitina — Student, Institute of World Economics and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: olga.moskvitina777@gmail.com.

For Citation

Balashova M.A., Moskvitina O.A. Prospects for the Development of Macroeconomic Models of Building World Economies: the Experience of Russia and Sweden. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Baikal State University*, 2020, vol. 30, no. 2, pp. 261–272. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(2).261-272. (In Russian).